

© 2012 г. М.А. Бородовская

УДК 101

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ТЕМЫ УДОВОЛЬСТВИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Серьезное исследование темы удовольствия в культуре невозможно без учета значения и влияния христианства. Христианство является не просто древнейшей и крупнейшей мировой религией; именно оно в сущности выступает определенной вершиной исторического развертывания, развития религиозной формы самосознания культуры как таковой, синтезируя в себе, с одной стороны, практически все предшествовавшие религиозно-мистические традиции и верования Ближнего, Среднего Востока и Средиземноморского бассейна, а с другой давшей почву для появления более молодых образований типа ислама. Именно в рамках христианской картины мира и человека фактически была сформирована классическая европейская культурная традиция и такие ее фундаментальные компоненты как свобода и самоценность личности, историческое сознание и пр. И во многом как отрицание классических христианских ценностей и дистанцирование от них впоследствии формировалась наша современная десакрализованная культура с ее вседозволенностью и беспрецедентной раскрепощенностью.

В отношении средневековья прежде всего следует указать на следующее обстоятельство: социальная и культурная практика того времени удивительным образом сочетала в себе как сильные традиции христианской аскезы, так и не менее масштабные пласты развлекательной (ближайшим образом, народной) «карнавальной», площадной культуры. Одна из глубинных причин такого специфического синкретизма заключается в том, что распространение христианства в Европе было чрезвычайно неравномерным и неоднородным как в горизонтали различных регионов, так и, что самое главное, по вертикали, то есть по глубине охвата пластов реальной практической жизнедеятельности широких народных слоев крестьянства, ремесленничества и иных вассальных групп. На протяжении практически всего средневековья, начиная со

времен крушения западной Римской империи официальное христианство, признанная система вероучения, догматов и ценностей сосуществовала с так называемой «простолюдной» квазирелигией, смесью различных полуязыческих древнейших представлений и практик с определенным образом усвоенными христианскими принципами. Последние в свою очередь, питаясь архаичными (германскими и нормандскими) культовыми обрядовыми практиками вовсе не отрицали ценность «земных» удовольствий и наслаждений для простого человека (воина или земледельца). Западный историк-медиевист Р. Манселли подчеркивает существование народной религии как особого социально-исторического феномена: «В средневековом христианстве, несмотря на то, что в целом оно образовывало некоторое единство, необходимо различать «ученую религию» и религию народную. Ученой, то есть официальной религии католической церкви присуща концептуальная систематизированность, тогда как в народной религии аффективные и эмоциональные ценности преобладают над логическими» [1, с. 55-56].

И все же конечно средневековая культура это, прежде всего яркий пример религиозно определяемых социокультурных практик, в которых удовольствию отводилось весьма скромное место. Причем в данном случае сразу же следует оговариваться и конкретизировать, что речь идет именно об телесных удовольствиях, вообще об отношении к телу. Тогда как «высокие» удовольствия и наслаждения, получаемые в религиозно-мистическом духовном опыте, а так же в служении церкви, феодалу, королю, рыцарскому идеалу, «прекрасной даме», «общему делу» (как например, участие в Крестовых походах) напротив оцениваются очень высоко.

Возникнув в лоне Римского государства и распространившись уже в период когда нравы империи переживали свои не самые лучшие времена, христианство прежде всего связано с кардинальным изменением отношения к человеческой судьбе и вообще жизни. В том числе к той ее стороне, которая касается телесности, удовлетворения основных потребностей и самооценки. Известный древнеримский клич «хлеба и зрелищ!» в языческом имперском обществе выражал собой культ зрелищности и гедонистических настроений. Всем известны ставшие нарицательными образы Мессалины, императоров Нерона и Калигулы, сцены в Колизее и прочие изобретения римского общества, направленные исключительно на получение наслаждений вопреки вся-

ким моральным и традиционным нормам, табу и т. д. На фоне таких позднеантичных нравов христианская мораль выступает не просто как проповедь сдержанности в поведении и мышлении, но как совершенно новое понимание предназначения человеческого тела и души.

Вместе с тем следует избегать однозначных оценок позднеантичного (римского) общества как исключительно гедонистического и отторгающего какие-либо регулятивы в области телесных практик. На это обстоятельство также указывает Мишель Фуко. «Презрение к удовольствиям, озабоченность физическими и духовными последствиями невоздержанности, «валоризация» брака и высокая оценка супружеской верности, отказ от спиритуализации мужской любви: философская и медицинская мысль первых веков исполнена суровости, свидетельством чему стали тексты Сорана и Руфа Эфесского, Мусония и Сенеки, Плутарха, Эпиктета, Марка Аврелия» [2, с.48]. Данная суровость пока еще не имела прямой зависимости именно от христианской этики. Сам Фуко связывает ее с так называемым феноменом «заботы о себе» как практикой и как ментальными установками, родившимися глубоко в лоне античного мира. Кстати, основные интуиции эпикуреизма французский мыслитель также связывает именно с заботой о себе, в том числе в плане понимания того, что представляет собой практика философствования.

Христианский аскетизм стал определяющей чертой господствующей картины мира в той ее части, которая закладывала основы антропологического опыта, критерии морали, добра, должного и высшего. При этом следует иметь в виду, что сама по себе аскетическая традиция как совокупность практик и техник определенного «режима» души и тела, избавления от страстей, помыслов и привязанностей, собственно была известна задолго до христианства уже в буддизме и даосизме. Однако именно в европейском цивилизационном очаге данная линия обрела совершенно особый статус. Если для восточного мировоззрения преодоление страстей и желаний было условием и каналом «растворения» частной души в общем космическом мировом потоке, то в случае с западной традицией и христианством речь шла, наоборот, о личностном росте, о качественном совершенствовании суверенного индивидуального самосознания, о становлении *субъективности*. Самый яркий пример тут конечно – «Исповедь» Августина, в которой с необычайной эмоциональной и интеллектуальной силой автор обрушивается с предельно откровенной критикой в адрес

собственного жизненного пути в молодости, который был всецело основан на принципах гедонизма. При этом цель августиновской критики не само по себе отрицание гедонизма, а стремление к освобождению души и обретению духовного зрения и с ним возможности обожения.

Яркую характеристику средневековому пониманию человеческого опыта телесности и чувственности дает А.Я. Гуревич: «Идеал средневекового человека бесконечно далек от представлений античности. Культ тела, видимой красоты не имеет ничего общего с любованием страданиями Бога, воплотившегося в оболочку брэнного человека. Если и можно говорить о физическом идеале христианского средневековья, то им служило распятое мертвое тело со страшными следами пыток и мук, перенесенных Спасителем во искупление рода человеческого. Поклонялись не телесной силе и гармонической развитости атлета, а убогому и гноящемуся больному. Ухаживать за ним, обмывать его раны и видеть в нем отражение Христова, было богоугодным делом, так же как и раздавать милостыню.

Идеал средневекового общества — монах, святой, аскет человек, максимально отрешившийся от земных интересов, забот и соблазнов и потому более всех остальных приблизившийся к Богу. Греческое слово *ἀσκήσις* значит «упражнение», в особенности «гимнастическое упражнение», *ἀσκήτις* — атлет, борец. Этим же словом в эпоху христианского средневековья обозначали человека, пренебрегающего собственным телом, умерщвляющего плоть, упражняющего свой дух. Ни в чем, пожалуй, так ясно не выражается контраст духовных установок античности и средних веков, как в трансформации смысла этого слова! Идеал средневековья — не посюсторонний, земной и практический, а трансцендентный и преодолевший земные связи. Идеал святого был всеобщим, имевшим силу для всех слоев общества» [3, с.241-242].

«Тело есть отвратительное вместилище души» — говорил Папа Римский Григорий VII Великий (XI век). Официальная церковная идеология налагает запрет на малейшие проявления человеческой чувственности во всех сферах. Страшнейшим грехом считается стремление человека к наслаждениям. Сошлемся здесь на мнение крупнейших медиевистов и культурологов Жака Ле Гоффа и Николя Трюона, создавших капитальный труд по истории тела в средневековой европейской культуре, в котором тщательно анализируются проблемы трансформации антропологического опыта в контексте христиани-

зированной культуры от полного забвения телесности и удовольствий до их фактического всплеска ближе к эпохе Ренессанса. «Половая природа тела в Средние века оказалась сильно обесцененной, порывы и желания плоти в большой степени подавленными. Даже христианский брак, который не без затруднений был утвержден законом в XIII веке, оправдывался стремлением уменьшить вожделение. Сексуальная близость допускалась и могла быть оправдана только как средство для достижения одной-единственной цели — зачатия. «Слишком пылкая любовь к своей жене есть прелюбодеяние», — повторяли церковники. Человеку предписывалось обуздывать свое тело, и какие бы то ни было «отклонения» запрещались» [4, с. 38].

Во многом отрицательное отношение к удовольствиям, которые трактовались именно как плотские утехы было обусловлено символическим толкованием первородного греха как прежде всего сексуального свершения, которое стало доминировать в официальной идеологии католической церкви в период ее укрепления еще в раннем средневековье. Ведь если обратиться к тексту самого Писания (Бытие Моисея), то в нем нет ни одного слова, которое бы прямо связывало сущность первородного греха именно с половым актом Адама и Евы. Данный акт есть только *следствие* их преступления через запрет Бога, ест *следствие* познания, *гордыни*. Стыд собственного тела, собственных половых органов и их возбуждения в результате влечения в данном случае объясняется как *результат лишения* первозданной невинной *непосредственности незнания*. Рецепция этого стыда стала излюбленной темой средневековых монахов, отстаивавших строжайший аскетизм и жесткое подавление малейших удовольствий даже в помыслах. Вместе с тем центральные догматы христианского вероучения связывают путь к спасению павшего человека именно с *телом* Христовым (в чем и состоит смысл причастия святых Христовых тайн, Его Тела и Крови!). Также не следует забывать и о том образе *страдающего* тела Христа на Кресте, который негативным образом словно отсекал телесные практики, выходявшие за допустимые им символические пределы и нормы. То есть даже на сакральном полумистическом уровне тело никуда не исчезло и более того определенным образом доминировало в культуре (тело как «храм святого Духа»).

Вся средневековая культура пронизана этим противоречием стыда собственных естественных потребностей и их порой неприкрытым даже вуль-

гарным удовлетворением (тело как «темница» души и оно же как естество, дарованное Творцом человеку). Средневекового крестьянина или воина менее всего можно заподозрить в излишней чопорности и умеренности в поведении, питании, половых контактах. В средневековых городах широко была распространена проституция, а в монастырях нередко были случаи гомосексуальных связей между служителями церкви, хотя официально и те и другие находились под запретом и представляли собой словно *потусторонний* мир христианского общества. «Средневековому человеку в повседневной жизни приходилось обуздывать себя постом. И в то же время устраивались карнавалы, представлявшие собой невероятный разгул, выходящий за рамки правил. Сексуальность, труд, сон, одежда, война, жест, смех — в Средние века все возбуждало споры вокруг тела» [4, с. 30]. Фактически именно наличие официальных сакрализованных табу в средневековой Европе приводило к обратному эффекту. Конечно, это не следует трактовать буквально и плоско. Однако и с учетом того важнейшего обстоятельства, что религиозно-конституируемый слой культуры был все же *элитарным*, имел силу «прямого действия» для духовенства и феодалов (причем высшего звена), а ему в известном смысле противостояла «народная» культура с немалой долей ассимилировавшихся дохристианских корней, а также того, что сама социальная структура средневекового традиционного общества носила пирамидальный характер, следует заключить, что истоки своеобразного гедонистического измерения западноевропейского общества необходимым образом присутствуют именно в средневековье, а не в античности. Последняя лишь опосредованно (в ситуации Ренессанса) присутствовала в культурных процессах.

Своеобразной областью локализации удовольствия как процесса и как цели в средневековой культуре был так называемый феномен «карнавала», которому посвящено немало философско-культурологических и социально-исторических исследований. Как справедливо отмечают французские авторы, «в веселых застольях тело противостояло сковывавшим его запретам, карнавальное празднество с разгулом, танцами и песнями, которые духовенство считало неприличными, противостояли посту с его скудной пищей. Между “карнавалом” и “постом” существовало острое противоречие, породившее — в символическом смысле — цивилизацию средневековой Европы. Присущие посту ограничения, как мы видели, связаны с новой, христианской

религией. В то же время культура противостоявшей ей “антицивилизации” наиболее полно выразилась в праздновании “карнавала”. Этот обычай по-настоящему утвердился в XII веке, в самый разгар григорианской реформы, а в XIII веке наступил его расцвет в городах. “Карнавал” предполагал обильное застолье, упоение пиром, наслаждение вкусной едой и питьем» [4, с. 57-58]. Карнавализация выражала собой тот пласт многовекового опыта европейских народов, который не идентифицировался исчерпывающим образом с элитарной культурой, пронизанной насквозь религиозной символикой церкви и исключавшей из своего состава такую антропологическую перспективу как самодостаточность индивидуальных потребностей человека. Карнавал открывал, так сказать, легитимный доступ широких масс к такому времяпрепровождению, смысл которого заключался именно в том, что человек делал то, что приносит ему просто наслаждение без всяких мистических смыслов, трансцендентных целей и сакральных значений.

Не следует сбрасывать со счетов и то, что карнавал был также важнейшим каналом преемственности корневых оснований культурной традиции западноевропейских народов. Впрочем, в этом своем качестве он хорошо знаком и древнерусской культуре. Как отмечает в своем исследовании средневековой народной культуры Михаил Бахтин, «Празднества карнавального типа и связанные с ними смеховые действия или обряды занимали в жизни средневекового человека огромное место. Кроме карнавалов в собственном смысле с их многодневными и сложными площадными и уличными действиями и шествиями, справлялись особые “праздники дураков” («*festa stultorum*») и “праздник осла”, существовал особый, освященный традицией вольный «пасхальный смех» («*risus paschalis*»). Более того, почти каждый церковный праздник имел свою, тоже освященную традицией, народно-площадную смеховую сторону. Таковы, например, так называемые «храмовые праздники», обычно сопровождаемые ярмарками с их богатой и разнообразной системой площадных увеселений (с участием великанов, карликов, уродов, “ученых” зверей). Карнавальная атмосфера господствовала в дни постановок мистерий и соти (комедийно-сатирических постановок театра). Царила она также на таких сельскохозяйственных праздниках, как сбор винограда (*vendange*), проходивший и в городах. Смех сопровождал обычно и гражданские и бытовые церемониалы и обряды: шуты и дураки были их неизменными участниками и

пародийно дублировали различные моменты серьезного церемониала (прославления победителей на турнирах, церемонии передачи ленных прав, посвящений в рыцари и др.). И бытовые пирушки не обходились без элементов смеховой организации, – например, избрания на время пира королей и королей “для смеха” («roi pour rire»)» [5, с. 6-7].

Средневековье с этой точки зрения интересно именно как процесс формирования европейской цивилизации в собственном смысле слова. Цивилизации в том смысле, о каком стали писать уже в XX веке представители школы «Анналов», Норберт Элиас и другие авторы, подчеркивая значение повседневной культуры в общем континууме исторического процесса. Чем разнообразнее становилась жизнь, чем сложнее становились ее материальные и технические компоненты, а также социальные отношения, тем столь же прихотливее становился и сам европеец – субъект этой традиции. Иными словами, именно в средние века явственно начинает проступать процесс постепенного *утончения* производства способов и смыслов удовлетворения человеческих потребностей и, следовательно, получения удовольствий. Но это большая отдельная тема, требующая обширного иллюстративного материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Идеология феодального общества в Западной Европе. Реферативный сборник. М., 1980.
2. Фуко М. История сексуальности. Забота о себе. М.-Киев, 1998.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
4. Гофф Ле Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М., 2008.
5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1990.

LITERATURE

1. The ideology of the feudal society in Western Europe. Abstract collection. М., 1980.

2. *Foucault M.* The history of sexuality. Taking care of yourself. M-Kiev, 1998.
3. *Gurevich, A.J.* Categories of medieval culture. M., 1972.
4. *Le Goff J., Tryuon N.* History of the body in the Middle Ages. M., 2008.
5. *Bakhtin, M.M.* Creativity Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance. M., 1990.

*Московский экономико-статистический
университет, г. Ростов-на-Дону*

27 мая 2012 г.
